

УНИВЕРСИТЕТ

УДК 174

DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-4-6-28

ОТКРЫТАЯ НАУКА В ГЕТЕРОГЕННЫХ СЕТЯХ. ПОЛИТИКА И ЭТИКА ДИСТРИБУЦИИ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

Гасилин Андрей Викторович
– кандидат философских наук,
старший научный сотрудник,
Институт научной информа-
ции по общественным наукам
Российской академии наук.
Российская Федерация,
117418, г. Москва,
просп. Нахимовский, д. 51/21;
e-mail: gasilin@inion.ru,
ORCID: 0000-0003-2271-0399

В статье проблематизируются ценностные и идеологические установки, лежащие в основе концепции открытой науки (Open science). Проводится первичная классификация режимов доступа в современных сетевых репозиториях научных статей на основании двух доминирующих ценностных императивов – открытости и закрытости. В качестве примеров рассматриваются научные репозитории Sci-Hub, LibGen, ScienceDirect, Academia.edu, Google Scholar, Киберленинка, e-Library. Проводится критический анализ аргументации идеологов открытости (таких как А. Элбакян и В.С. Швырёв) в контексте истории и философии науки, критически осмысливается дихотомия открытости/закрытости как способа представления эволюции научного знания в сторону последовательной рационализации и растущей социальной ориентированности. Для преодоления выявленных ограничений используется типология Дэвида Грэбера, выделяющего на обширном историко-антропологическом материале три этических модуса экономических отношений: коммунизм, обмен и иерархию. Обмен научными текстами рассматривается как частный случай общечеловеческой и, шире, межвидовой культуры обмена, а исходное диалектическое противопоставление заменяется трёхчастной типологией, предполагающей ключевое значение переходных, гибридных форм. Для описания современных тенденций в генезисе систем научного обмена вводится понятие гибридных сетей. Постулируются комплексный, многоакторный характер гибридных сетей, связанный с ними постепенный уход от иерархической к гетерархической логике отношений между сетевыми агентами, возрастающее значение внутри- и межвидовых коллабораций в ходе научного творчества и принципиальный пересмотр традиционных стандартов научного производства под влиянием сетевого подхода и тесно связанной с ним постантропологической парадигмы.

Ключевые слова: открытая наука, научные сети, цифровая гуманитаристика, системный подход, акторно-сетевая теория, научная эти-

ка, постантропология

Цитирование: Гасилин А.В. Открытая наука в гетерогенных сетях. Политика и этика дистрибуции научных текстов // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 7. № 4. С. 6-28. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-4-6-28

Рукопись получена: 16 октября 2024

Пересмотрена: 24 ноября 2024

Принята: 28 ноября 2024

OPEN SCIENCE IN HYBRID NETWORKS: POLITICS AND ETHICS OF SCIENTIFIC TEXT DISTRIBUTION

Andrey V. Gasilin – PhD in Philosophy, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation; e-mail: gasilin@inion.ru, ORCID: 0000-0003-2271-0399

The article studies certain ethical stances and ideological attitudes, underlying the popular concept of Open Science. The author is carries out a primary classification of access modes in academic online repositories, based on two dominant value imperatives – “openness” and “secrecy”. The author considers the argumentation of some ideologists of “openness” (such as Alexandra Elbakyan) in the context of the history and philosophy of science. The dichotomy of openness/secrecy is critically understood as a way of presenting the evolution of scientific knowledge in typically positivist way, ignoring non-rational aspects of scientific discovery. To overcome the named limitations, the author uses the theory of the anthropologist David Graeber, who offered three ethical modes of economic relations: communism, exchange and hierarchy. The author considers the exchange of scientific texts as a special case of the non-human and, more broadly, inter-species culture of exchange. In this context he replaces original dialectical opposition by a tripartite typology, suggesting the key importance of transitional, hybrid forms. The author uses the concept of “hybrid networks” to describe significant trends in the genesis of scientific exchange systems. The complex, multi-actor nature of hybrid networks are considered as is the gradual shift from hierarchical to heterarchical logic of relations between network agents, the increasing importance of intra- and inter-species collaborations in the course of scientific creativity, and a fundamental revision of traditional standards of scientific production under the influence of the network approach and post-anthropological paradigm.

Keywords: open science, scientific networks, digital humanities, systems approach, actor-network theory, scientific ethics, post-anthropology

How to cite: Gasilin, A.V. (2024). Open science in hybrid networks: politics and ethics of scientific text distribution. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 7 (4): 6-28. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-4-6-28 (In Russian).

Received: 16 October 2024

Revised: 24 November 2024

Accepted: 28 November 2024

Введение

Отправным пунктом нашего исследования стала одна распространённая проблема, с которой сталкиваются многие издатели современных научных журналов. Особенно остро эта проблема стоит перед редакторами новых изданий, ещё не успевших набрать академический вес, войти в авторитетные базы данных и получить высокий импакт-фактор. Речь идёт о проблеме режима доступа к полнотекстовым версиям новых статей и свежих номеров, которая, на первый взгляд, носит сугубо экономический характер.

Стандартный набор вариантов таков: 1) редакция может сразу выкладывать все материалы в открытый доступ, повышая таким образом их цитируемость, но теряя возможность заработать на подписке и прямых продажах текстов; 2) издатели могут ориентироваться на традиционную бумажную подписку, а электронные копии номеров выкладывать только в архивных версиях по прошествии некоторого времени; 3) можно использовать средства современных систем коммерческого распространения научных текстов – например, заключить договор с электронной библиотекой e-Library, позволив читателю покупать статьи журнала в интерфейсе сервиса; 4) крупное издательство может создавать на сайте издания собственный интернет-магазин, назначая цену за скачивание отдельных статей и целых номеров; 5) редакция может использовать различные комбинации предыдущих вариантов – например, организовать коммерческое распространение в течение одного года, а по прошествии этого периода открывать материалы для бесплатного скачивания.

На первый взгляд, выбор между указанными вариантами – задача сугубо техническая, предполагающая поиск оптимального соотношения между реальным авторитетом издания в научном сообществе, финансовыми возможностями его учредителя, затратами на содержание редакции и печатными расходами. В действительности, речь идёт далеко не только об экономическом расчёте: проблема выбора режима доступа имеет также этическое и политическое измерение. К примеру, выбрав сугубо коммерческую модель, предполагающую полный запрет на распространение электронных копий на безвозмездной основе, издатель сознательно или неосознанно нарушает один из фундаментальных принципов научного этоса, который социолог науки Роберт Кинг Мёртон (1910–2003) условно обозначил как *коллективизм* (англ. communalism). Напомним, что мёртоновская концепция научного этоса рассматривает коллективизм в качестве одного из четырёх базовых принципов этичного отношения к производству научного знания, наряду

ду с универсализмом, бескорыстностью и организованным скептицизмом (Merton, 1973, pp. 267-278). Согласно нему, всякое научное открытие и изобретение изначально является достоянием общности, его нельзя рассматривать как собственность отдельного человека или группы лиц. Нарушение этого фундаментального принципа ведёт к размежеванию научного сообщества, снижению роли фундаментальных исследований, которые обычно не приносят быстрых практических результатов, а также сведения научной деятельности к разновидности коммерции, от которой классическая наука, как правило, дистанцируется.

Касаясь политических аспектов указанной проблемы, нельзя не упомянуть масштабное движение за открытую науку (Open science), которое возникло в Соединённых Штатах в конце XX в. (Chubin, 1985, pp. 73-80). Многочисленные сторонники открытой науки провозгласили курс на полную прозрачность данных, собранных в результате научных исследований, открытость программного обеспечения, используемого в рамках научных разработок, а также научных публикаций, отражающих результаты исследований. Помимо прочего, этот курс предполагает снижение коммерческой составляющей научной деятельности, расширение государственной поддержки научной работы, возвращение к классическим идеалам науки как формы духовного поиска и общественного служения. Кроме того, поиск оптимального баланса между государственным финансированием науки и вливаниями в науку со стороны бизнеса стал одним из ключевых императивов проекта «Нового Просвещения», предложенного в юбилейном докладе Римского клуба в 2018 г. (Weizsäcker, Wijkman (eds.), 2019).

Таким образом, частный вопрос о предпочтительности той или иной модели доступа предполагает сознательный или неосознанный выбор между двумя образами науки: 1) классическим представлением о ней как об общечеловеческом проекте познания и социального совершенствования и 2) более прагматическим представлением о науке как об одной из отраслей экономики, функционирующей в соответствии с теми же экономическими принципами, что и прочие отрасли. Закрывая статьи для свободного распространения и устанавливая цену за скачивание, редакция научного издания сознательно или неосознанно подаёт свой голос за коммерциализацию науки, а выкладывая тексты под свободными лицензиями – явным или неявным образом присоединяется к движению открытой науки. Тесная взаимосвязь экономического, политического и этического аспектов этой проблемы делает её значимой для исследований в области не только цифровой гуманитаристики, но и социальной антропологии, учитывая, что в своих современных изводах эта дисциплина значительно расширила зону интересов, включив в неё, помимо этнических общностей, различ-

ные социальные группы, существующие в развитых обществах (в том числе и академическое сообщество).

С появления работы «Очерк о даре» французского социолога Марселя Мосса (Mauss, 1923) *обмен*, как важнейшая экономическая, символическая, политическая и культурная категория, был в фокусе внимания многих известных антропологов. Так, в структурной антропологии Клода Леви-Стросса реконструкция логики обмена в рамках матримониальных отношений позволяет выявить универсальные структуры, лежащие в основе функционирования архаичных сообществ. Анализируя распространённые среди индигенных племён обычаи, определяющие правила заключения внутриплеменных и межплеменных брачных уз, Леви-Стросс обнаруживает ряд значимых инвариантов, лежащих в основе всей хозяйственной и экономической жизни рассматриваемых народностей (Lévi-Strauss, 2002, pp. 34-169, 270-357). Обмен в сугубо экономическом смысле сопутствует здесь символическому обмену, причём выгода экономическая далеко не всегда сопровождается символическими приобретениями, а иногда символический и экономический планы обмена совершенно друг другу не соответствуют (как, например, в случае потлача).

К проблемам обмена в рамках научного производства обращаются также современные историки и философы науки. Например, американский исследователь истории науки П. Галисон (род. 1955) вводит в своих работах концепцию *зон обмена* (англ. trade zones), с помощью которой он описывает логику функционирования особых форм междисциплинарного взаимодействия, возникающих в условиях, когда прямая коммуникация между представителями разных отраслей науки даёт сбой по причине кардинального различия теоретических баз, языков описания, используемых методов и подходов (Galison, 1997). Формирование научных зон обмена мыслится Галисоном по аналогии со сложными коммуникативными системами, возникающими при взаимодействии представителей различных культур/цивилизаций и изучаемыми в рамках сравнительной антропологии. Критическое переосмысление понятия зон обмена мы находим в работах отечественного исследователя И.Т. Касавина (род. 1954), ставящего под сомнение применимость так называемой рыночной метафоры (англ. market metaphor) к сфере научного знания и предлагающего взамен концепцию зон дарения (англ. gift zones), восходящую к московскому понятию дара как средства социального структурирования и коммуникации (Kasavin, 2019).

Признавая однобокость сугубо рыночного подхода к логике научного обмена, мы, в свою очередь, планируем использовать в своём анализе альтернативный теоретический подход, заимствованный у американского антрополога Дэвида Грэбера (1961-2020). В своей работе «Долг: первые 5000 лет истории» Грэбер представляет обмен в качестве одной из трёх базовых нравственных модальностей, лежа-

щих в основе всяких экономических отношений, наряду с так называемыми коммунизмом и иерархией (Грэбер, 2022). Мы вернёмся к подробному рассмотрению этих модальностей чуть позже, а пока ограничимся предположением, что этико-экономическая типология Грэбера может быть использована в качестве инструмента для анализа современной академической индустрии – в частности, стратегий дистрибуции научных текстов в пространстве цифровых медиа.

Но прежде чем использовать обозначенные теоретические рамки, сложившиеся в современной антропологии, проведём подготовительную работу: попытаемся выделить основные типы дистрибуции научных публикаций, используя в качестве основания классификации уровень их доступности для скачивания, изучения и распространения.

Режимы доступа

С возникновением Интернета традиционные способы обмена научной информацией и взаимодействия в рамках научного сообщества дополнились множеством высокотехнологических форм, неизвестных ещё три десятилетия назад. Так, в современной академической и университетской среде активно используются онлайн-платформы для организации видеоконференций, вроде Zoom, Google Hangouts, Microsoft Teams и Яндекс Телемост. Во многих вузах и научных организациях сервисы для проведения онлайн-конференций стали реальной альтернативой традиционным очным форматам, их активно используют для организации лекций, семинаров, конференций, круглых столов, заседаний учёных советов и даже сдачи экзаменов. Основной документооборот и обмен материалами осуществляется в наши дни посредством электронной почты и онлайн-мессенджеров. Даже такая традиционная форма научной активности, как работа в библиотеке, обогатилась новыми цифровыми инструментами, вроде электронных баз данных со встроенными поисковыми машинами и систем онлайн-заказа, позволивших современным исследователям существенно ускорить поиск научной литературы и получить доступ к цифровым копиям публикаций в удалённом режиме. Благодаря стремительно развивающимся электронным библиотекам учёные, живущие и работающие в удалённых регионах, получили доступ к актуальной и редкой литературе.

Одной из наиболее динамично развивающихся областей современной научной инфраструктуры стали базы данных научных публикаций, предоставляющие доступ к полнотекстовым версиям статей. Традиционную систему подписных академических изданий, распространяемых по библиотекам и институтам в бумажном виде, дополнила новая цифровая культура, в которой доминирует целевое обращение к научным статьям в режиме *on-demand*, а сами ста-

ты распространяются в электронном виде и хранятся в крупных сетевых хранилищах, вроде онлайн-сервисов e-Library¹ или Киберленинки². Активное распространение и развитие сетевых хранилищ научных статей, помимо очевидных преимуществ, связано и с рядом специфических проблем, к которым относится и центральная для нашего исследования проблема режимов доступа. Упомянутые выше ценностные установки, – условно классическая и условно коммерческая, – воплощаются здесь в конкретных сетевых решениях, таких как репозитории Sci-Hub³, LibGen⁴ или научная база данных ScienceDirect⁵, принадлежащая издательскому дому Elsevier.

Следует отметить, что высокая популярность сервисов Sci-Hub и LibGen в научном сообществе сопутствует сознательному нарушению администрацией обоих сервисов законодательства в области авторских прав. Дело в том, что наполнение обеих баз данных новыми публикациями происходит путём пакетного выкачивания публикаций, полученных образовательными и научными институтами по подписке. Очевидно, подобное пакетное скачивание с последующим размещением текстов на серверах сторонних сервисов, нарушает условия предоставления подписки и делает данные сервисы *de facto* пиратскими.

Обращаясь к сервисам типа Sci-Hub и LibGen, которые являются яркими представителями феномена так называемых теневых библиотек (Karaganis (ed.), 2018), мы сталкиваемся со следующим парадоксом. Руководствуясь исключительно благородными с точки зрения научного этоса целями и требуя безусловного соблюдения мёртоновского принципа коллективизма, администраторы этих сервисов используют для реализации своих целей весьма сомнительные с юридической точки зрения средства. Фактически, паразитируя на добросовестных подписчиках популярных баз данных, вроде Scopus, Wiley, Springer, так называемые теневые библиотеки выступают в роли сетевых робин гудов, систематически попирающих закон ради торжества идеалов справедливости и социального равенства.

Гораздо более респектабельную и юридически выверенную позицию мы наблюдаем, когда обращаемся к официальным онлайн-сервисам научных издательств, вроде базы данных ScienceDirect. Предоставляя своим пользователям доступ к тысячам научных журналов и миллионам полнотекстовых версий научных статей, данные сервисы размещают только незначительный процент своей продукции в открытом доступе. Абсолютное большинство электронных полно-

¹ www.elibrary.ru

² <https://cyberleninka.ru/>

³ <https://sci-hub.ru/>

⁴ <https://libgen.re>

⁵ <https://www.sciencedirect.com/>

текстовых версий распространяется по тем же подпискам, предполагая наличие у пользователей аффилиаций с научными и/или образовательными организациями, подписавшими соответствующие договоры или участвующими в системе национальной подписки. В отличие от теневых библиотек, сетевые базы данных издательств Elsevier, Springer, Wiley и др. строго соблюдают принятые в ЕС и США законы по защите авторского права, в том числе Европейскую директиву 2004/48/EC⁶ и американский Digital Millennium Copyright Act (DMCA)⁷, направленные на защиту авторского права в условиях развитой цифровой инфраструктуры.

Впрочем, несмотря на декларацию приверженности базовым принципам распространения научного знания, функционирование подобных сервисов входит в явное противоречие с упомянутым выше принципом открытости, требующим, чтобы результаты исследований были доступны широкой общественности. Политика доступа к научным публикациям по подписке очевидным образом ограничивает возможности потенциальных читателей, не имеющих соответствующего академического статуса, а в некоторых случаях и действующих учёных, которые аффилированы с научными институтами, не заключившими с научными издательствами соответствующих соглашений. В результате если теневые библиотеки идут на сознательное нарушение авторских прав ради соблюдения императива открытости, то базы данных крупных научных издательств, напротив, нарушают этический принцип коллективизма и установки политики открытого доступа ради соблюдения законодательства в области авторских прав.

Указанное противоречие отнюдь не ограничивается сферой научной этики, а нередко приводит к столкновению владельцев соответствующих сервисов в юридическом поле. Как правило, уважаемые издательства опираются в этом противоборстве на соответствующие нормы и пользуются поддержкой государственных институций. В большинстве случаев последние встают на сторону издательств, инициируя против владельцев теневых библиотек судебные процессы. В качестве характерного примера можно привести недавний процесс против администраторов онлайн-базы научных статей LibGen, имевший место весной 2024 г. (Van der Sar, 2024, web). Любопытно, что данная судебная тяжба была инициирована не самими издателями, а голландской правозащитной компанией BREIN, специализирующейся на защите авторских прав. Причём дело сетевых библиотек рассматривалось по аналогии с делом популярного торрент-сервиса The Pirate Bay, специализировавшегося на

⁶ Directive 2004/48/EC of The European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the enforcement of intellectual property rights. <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2004/48/oj>

⁷ The Digital Millennium Copyright Act of 1998 U.S. Copyright office summary. <https://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf>

распространении контрафактных копий медиапродукции. Стоит заметить, что подобная ассоциация отнюдь не произвольна, ведь теневые библиотеки представляют собой частный случай более глобального явления – даркнета (от англ. darknet), то есть альтернативных сетевых протоколов и технологий, предоставляющих анонимный нерегламентированный доступ к нелегальной продукции. Условная идеологическая линия архитекторов и основной массы пользователей даркнета ближе к криптоанархизму, чем к классическим левым партиям, так как социалистическая идеология предполагает ведущую роль государства в формировании механизмов общественного производства, обмена и потребления, в то время как большинство анархических форм политической организации делает ставку на доминирование частной инициативы над государственной и корпоративной.

Любопытной альтернативой обоим рассмотренным вариантам выступают академические онлайн-сервисы, в которых большая часть публикаций размещается на условиях свободного доступа, но при этом присутствует и коммерческая составляющая. В качестве характерного примера подобных сервисов можно привести научный портал Academia.edu⁸, созданный в 2008 г. американским предпринимателем Ричардом Прайсом. Портал позиционируется как «социальная сеть для учёных», предоставляя своим пользователям широкие возможности по обмену научными текстами. В отличие от упомянутой выше базы ScienceDirect, большинство материалов, загруженных на сервера Academia.edu, находится в открытом доступе либо предоставляются их авторами по адресному запросу. Коммерческую составляющую сервиса обеспечивает система платной подписки, дающая доступ не к полнотекстовым версиям публикаций, как в базах данных традиционных издательств, а к расширенному пользовательскому инструментарию, включающему в себя улучшенные поисковые возможности (в том числе поиск по полнотекстовым статьям), подробную аналитику пользовательских обращений, систему «умных рекомендаций», поиск по встроенной базе грантовых проектов и персональную веб-страницу исследователя. Таким образом, соблюдая в общих чертах мёртоновский принцип коллективизма, Academia.edu остаётся преимущественно коммерческим проектом с достаточно крупной базой пользователей⁹.

Ещё более масштабной с точки зрения пользовательского охвата системой является онлайн поисковик Google Scholar, предоставляющий доступ к миллионам научных статей и монографий, опубликованных в свободном доступе с использованием так называемых открытых лицензий, вроде Gold Open Access, Green Open Access, Diamond Open Access или Hybrid Open Access. В отличие от

⁸ Academia.edu

⁹ На 2023 г. в сервисе было зарегистрировано 247 млн пользователей, а в базе данных хранилось свыше 48 млн электронных документов.

Academia.edu, этот сервис фактически является специальной надстройкой над поисковой машиной Google и не предполагает загрузки полнотекстовых версий научных публикаций в специальный репозиторий. Огромный охват и сложная система ранжирования результатов выдачи по поисковым запросам делают Google Scholar одновременно и наиболее популярным, и наименее совершенным из всех рассмотренных нами сервисов. Среди его погрешностей можно отметить обилие так называемых мёртвых ссылок, крайне несовершенную систему оценки качества предоставляемого контента, использование в структуре сервиса самых простых принципов наукометрии, открывающих широкие возможности для повышения цитируемости публикаций сугубо техническими методами. Впрочем, будучи, как и Academia.edu, своего рода гибридом, объединяющим в себе черты коммерческого проекта, с одной стороны, и свободной системы обмена научной информацией, с другой, Google Scholar представляет собой типичный продукт генезиса гетерогенных сетей и полностью соответствует его логике.

Наш обзор современных режимов доступа был бы неполным без упоминания о существовании закрытых репозиториях научных статей, доступ к которым строго ограничен. Причины подобных ограничений могут быть самыми разнообразными. Сведения, содержащиеся в подобных репозиториях, могут составлять военную, медицинскую, юридическую, коммерческую или государственную тайну. Современные закрытые репозитории с ограниченным правом доступа фактически дублируют функционал секретных архивов и фондов ограниченного пользования, известных человечеству с глубокой древности. Канонический пример подобных фондов – Секретный архив (*Bibliotheca secreta*) при Ватиканской апостольской библиотеке. Отечественным учёным, работавшим в советский период, хорошо известен феномен спецхрана и фондов литературы для служебного пользования (ДСП). Так, вплоть до 1989 г. доступ к спецхрану Российской национальной библиотеки был строго ограничен: литература выдавалась читателям только при наличии соответствующих документов с места работы или учёбы, подтверждающих статус заявителя, его служебную функцию и тему научной работы (Махотина, 2018, с. 40). И хотя в результате реформ конца 80-х начала 90-х гг. спецхран как характерный феномен советской интеллектуальной культуры стал достоянием истории, закрытые хранилища при библиотеках продолжили своё существование. В современной России также существует система закрытых фондов с редкой и запрещённой литературой, доступ к которой частично или полностью ограничен. По понятным причинам мы не можем дать ссылку на закрытые сетевые хранилища и вынуждены констатировать лишь сам факт их наличия.

Итак, в результате предварительного обзора мы можем выделить четыре основных режима доступа:

- 1) Безусловно открытый доступ, оставляющий за скобками вопросы интеллектуальной собственности и всецело руководствующийся мёртоновским принципом коллективизма;
- 2) Условно открытый доступ, предполагающий использование открытых лицензий, вроде Gold Open Access, Green Open Access, Diamond Open Access или Hybrid Open Access, каждая из которых накладывает на пользователей определённые ограничения по распространению и использованию интеллектуальной собственности;
- 3) Условно ограниченный доступ, предполагающий распространение научных публикаций на платной основе. Схемы оплаты могут варьироваться от традиционных подписок до коммерческого распространения электронных копий в режиме *on-demand*;
- 4) Безусловно ограниченный доступ, предполагающий наличие определённого статуса, профессиональной или корпоративной принадлежности в качестве необходимого условия доступа к научной литературе.

Заметим, что в современной научной индустрии доминирующими являются условно открытая и условно ограниченная формы доступа, в то время как безусловно открытая и безусловно закрытая находятся, скорее, в маргинальной зоне, не участвуя в формировании представлений о нормативности. Теневые библиотеки, пользуясь большим спросом среди учёных из «стран третьего мира», тем не менее не могут всерьёз конкурировать с легальными научными базами данных и не имеют соответствующего финансирования от коммерческих организаций и/или государственной поддержки. В свою очередь, объёмы современных закрытых фондов несопоставимо скромнее объёмов обычных библиотечных хранилищ, всецело доступных читателю. В отсутствие идеологической цензуры, способствующей разрастанию закрытых фондов, и в результате возведения свободы слова в ранг фундаментальных общечеловеческих ценностей принципиальное изменение этого соотношения в ближайшие десятилетия вряд ли возможно.

Диалектика открытости и закрытости

В современных дискуссиях вокруг перспектив развития научных баз данных нередко проводится резкое противопоставление открытого и закрытого подходов к распространению научного знания. Причём большинство дискуссионщиков предпочитает открытую модель закрытой, ссылаясь на принципиально открытый характер самого научного познания. Так, известная сетевая активистка и создательница упомянутого научного репозитория Sci-Hub Александра Элбакян осмысливает существующую систему академического обмена в рамках диалектики двух магистральных подходов к распространению знания – закрытому и открытому. Отметим, что противопоставление этих двух форм

научного знания по степени доступности во многом перекликается с противопоставлением эзотерического и экзотерического типов религиозного знания. Если принять утверждение Томаса Куна о том, что в основе любого научного познания лежит определённая система ценностей и убеждений, и добавить к нему известную аналогию Пола Фейерабенда, который сравнил функционирование современного научного истеблишмента с деятельностью церковных иерархов, защищающих догматы своей религии от критических нападок, то ассоциация закрытости с эзотерикой и открытости с экзотерикой может оказаться весьма продуктивной.

Обращаясь к истории науки, мы видим, что первые научные формы познания формируются в тесной связи с религиозными и даже мифологическими формами. Причём первые научные школы, вроде школы Пифагора или первой Академии, наследуют чисто религиозный подход к вопросу о степени открытости знания для непосвящённых. Школа Пифагора, судя по описаниям Диогена Лаэртского, развивалась в русле эзотеризма, тщательно охраняя результаты своих философских исследований от непосвящённых, а школа Сократа, положившая начало платоническому и аристотелевскому рационализму, вполне соответствовала идеалам экзотерической открытости, предпочитая сложной символике герменевтических текстов прозрачность и убедительность диалогического мышления. Признавая сократический рационализм в качестве основного двигателя научного знания, Элбакян говорит об открытости как о базовом условии рационального и, соответственно, научного отношения к действительности. «Свободный доступ к научным знаниям для всех людей, – утверждает исследовательница, – можно рассматривать как выражение *социальной справедливости*; кроме того, одним из аргументов для обоснования открытого доступа является ускоренное экономическое развитие» (Элбакян, 2023, с. 186).

Концептуальных союзников Элбакян легко обнаружить и среди классиков неопозитивизма – например, Карл Поппер (1902-1994). Обрушившись в своей знаменитой книге «Открытое общество и его враги» (Поппер, 1992) на марксизм, как на квазирелигиозное, сугубо догматическое и принципиально нефальсифицируемое (а потому ненаучное) учение, Поппер утверждает открытость теории для критики в качестве одного из основных признаков её научности. Нарочитая догматичность марксизма в целом и советского марксизма в частности, своего рода герметичность марксистского учения, позволяющая ему полностью игнорировать несоответствие его основных положений (таких как вера в финальное торжество коммунизма или универсальные законы диалектики, сформулированные Энгельсом) эмпирическим реалиям и исторической практике – всё это лишает учение Маркса утверждаемой им самой научной основы и превращает в чистую идеологию, предмет

слепой веры. К слову, с попперовской критикой догматического коммунизма соглашается и отечественный исследователь Швырёв, у которого Элбакян заимствует противопоставление закрытой и открытой моделей познания. Швырёв рассматривает советскую приверженность марксистско-ленинской догматике как нечто, глубоко противоречащее базовым основам научной рациональности (Швырёв, 1995).

Заметим, что большинство сторонников концепции открытой науки настаивает на том, что принцип открытости лежит в основе научной рациональности в целом, и, соответственно, только открыто распространяемое знание можно назвать в полной мере научным. Системы генерации и распространения знания, основанные на тех или иных принципах закрытости, не могут быть положены в основу именно *научного* познания и способствуют распространению догматизма, примата веры над разумом и, как следствие, торжеству узких корпоративных интересов над общечеловеческими ценностями.

В целом, разделяя с идеологами открытой науки представления о решающем значении критического метода в утверждении научной рациональности, а также о ключевой роли научных институтов в развитии современного общества, мы не можем не учитывать критику радикального сциентизма со стороны уже упомянутого Пола Фейерабенда (Feuerabend, 1975) и социолога науки Бруно Латура (Latour, 1993). Так, в реальной истории науки отсутствует последовательный переход от эзотерической установки к экзотерической, как это представляется идеологам открытой науки: закрытые стратегии познания существуют и в наше время, причём довольно весомая их часть относится к самому авангарду научных разработок.

История науки знает множество примеров крупных научных открытий, сделанных в условиях строжайшей секретности. Достаточно вспомнить разработки Алана Тьюринга, позволившие взломать шифры немецкой «Энигмы» и способствовавшие становлению информатики. Или секретные разработки в рамках Манхэттенского проекта, объединившего в своих лабораториях самых передовых физиков и приведшего, помимо создания оружия массового поражения, к целому ряду важнейших открытий в области ядерной физики. Несмотря на принципиальное отличие этих закрытых проектов от эзотерических школ древности, полное отсутствие в них мистической составляющей и соответствие проводимых исследований самым высоким научным стандартам своего времени, для внешнего наблюдателя, или попросту обывателя, фигура конвенционального учёного, ведущего секретные исследования в закрытой лаборатории, в общем-то, мало отличается от фигуры средневекового алхимика, проводящего эксперименты по трансформации металлов в золото, или «гениального учёного» рубежа XIX-XX вв., работающего над воскрешением мёртвых тел. И то,

и другое воспринимается обывателем в качестве различных форм эзотерического знания, своего рода «техномагии», и находит широкое отражение в массовой культуре. Напомним в этой связи длинный ряд литературных и кинематографических «учёных-магов», который начинается с мрачного доктора Франкенштейна из одноимённого романа Мэри Шелли и завершается чудаковатым Эмметом Брауном из франшизы «Назад в будущее».

Нам могли бы возразить, что чисто обывательское смешение реальных секретных разработок, производящихся на надёжной научной почве, с псевдонаучной активностью разного рода лжеучёных, мистиков и шарлатанов, не имеет отношения к рассматриваемой проблеме, так как мы обсуждаем режимы доступа в академических сетях. Но, на наш взгляд, подобное смешение как раз неизбежно, если довести концепцию открытой науки до логического конца и предоставить обывателю неограниченный доступ ко всему многообразию научной литературы, в том числе редкой и узко специализированной. Профанация научного знания уже привела к интенсивному росту всякого рода «теорий всего», наукообразных «учений» и псевдонаучных «школ». И этот процесс, судя по всему, необратим.

Впрочем, императиву открытости препятствует отнюдь не только присущая человеку тяга к эзотерическим формам знания, — её можно было бы трактовать как пережиток донаучной рациональности, который в конце концов будет полностью искоренён. Идеология открытости наталкивается на ряд технических ограничений, гораздо более существенных, нежели умозрительное противопоставление различных форм познания.

Представим себе открытый репозиторий огромной ёмкости, в котором хранятся петабайты данных, относящихся к различным аспектам существования определённого сообщества (пусть даже сравнительно небольшого): вся история болезней его участников, включая генетические заболевания, вся юридическая информация, вся активность в социальных сетях, все перемещения в пространстве, зафиксированные носимыми устройствами, вся банковская и финансовая информация, включая историю покупок, платежей, контрактов, налоговых отчислений и пр. Буквально любое действие, любое сообщение, любой самый незначительный факт жизни каждого участника этого сообщества фиксируется в открытом репозитории и автоматически становится достоянием общественности.

Не будем касаться такой весьма чувствительной для современного пользователя темы, как защита персональных данных. Предположим, что каждый член сообщества изначально дал полное согласие на обработку всей связанной с ним информации и размещение её в открытом доступе. Даже в этом гипотетическом обществе «цифрового гедонизма», в котором масштабные коллекции Big Data автоматически становятся общественным достоянием, обязательно возникнет проблема, связанная с использованием инстру-

ментов поиска и анализа. Дело в том, что даже самый полный, открытый и хорошо организованный репозиторий не имеет ни малейшей ценности при отсутствии специальных программных средств, позволяющих искать в нём необходимую информацию, осуществлять выборки и проводить анализ контента. Но даже при наличии качественного и многофункционального программного обеспечения, предназначенного для поиска и анализа информации, этот гипотетический репозиторий так и останется бесполезным архивом разнотипных данных в отсутствие квалифицированных специалистов, владеющих соответствующим программным обеспечением, современными методами поиска и анализа информации, умеющими ставить цели и формировать соответствующие поисковые запросы. В результате, открытость этого репозитория окажется сугубо номинальной: большинство участников такого сообщества не сможет воспользоваться его преимуществами, ввиду отсутствия у них специальных навыков поиска и анализа информации. Именно владение соответствующим поисковым и аналитическим инструментарием, а также уровень этого владения будут, в конечном счёте, определять степень открытости рассматриваемой системы обмена. И будучи номинально открытым для каждого, *de facto* репозиторий будет доступен лишь небольшому кругу специалистов, способных извлечь из огромного массива данных необходимую информацию.

Это парадоксальное совпадение внешней открытости и сущностной закрытости относится и к научному знанию в целом: огромные массивы научной информации, находящиеся в совершенно открытом доступе, часто остаются фактически закрытыми для неспециалистов, не обладающих навыками поиска, чтения, интерпретации и анализа специализированных научных текстов. Кроме того, существует проблема неравномерного доступа к так называемым открытым лицензиям, представляющим собой правовую основу концепции открытой науки. Известно, что публикацию во многих авторитетных журналах, распространяемым по лицензии Gold Open Access, могут позволить себе только учёные, работающие в экономически развитых странах. Учёным из так называемых «развивающихся стран» данная лицензия часто оказывается не по карману (Гринберг, 2014), что очевидным образом не позволяет реализовать на практике провозглашаемый идеологами открытой науки принцип всеобщей доступности и транспарентности.

Ещё раз заметим, что представленная здесь критика концепции открытой науки не имеет своей целью поставить под сомнение ценность самой критической культуры, императив общедоступности научных текстов и важность интенсивного научного обмена. Целью нашей критики являются лишь эгалитарные идеологические основания этой концепции, нацеленные на унификацию производства и распространения научного знания, сведения всего многооб-

разия форм познания к единому научному стандарту, а всех существующих в академическом сообществе форм обмена – к императиву полной транспарентности.

Эпоха гибридных сетей

Обрисовав в общих чертах возможную типологию научных сетей и рассмотрев проблему соотношения открытой и закрытой стратегий дистрибуции научной информации, вернёмся к первоначальному морально-политическому контексту проблемы и попытаемся посмотреть на научный обмен с точки зрения современной социальной антропологии. Пришло время подробнее рассмотреть три морально-нравственных установки, к которым Д. Грэбер свёл всё многообразие различных форм коллаборации, наблюдавшихся в истории экономических отношений: коммунизм, обмен и иерархию.

Первую установку он описывает следующим образом: «Под коммунизмом я буду подразумевать любые человеческие отношения, которые строятся на принципе: “От каждого по способности, каждому по потребности”» (Грэбер, 2022, с. 86). Исследователь замечает, что наше представление об этом принципе несколько искажено историей так называемых «коммунистических» режимов, среди которых можно обнаружить немало тиранических. Реальный коммунизм Грэбер считает некой базовой формой человеческих отношений, возникающей в условиях острых кризисов, войн и стихийных бедствий. Свободный и бескорыстный обмен доступными ресурсами выступает в экстремальных ситуациях ключевым условием выживания, и возврат к своего рода коммунистическим отношениям наблюдается в большинстве малых профессиональных, этнических и религиозных групп.

В отличие от коммунизма, воплощающего в себе некий фундаментальный принцип общечеловеческого братства, обмен, по Грэберу, является формой взаимности и предполагает наличие договорных отношений. «Это процесс, протекающий между двумя сторонами, каждая из которых даёт столько, сколько получает» (Грэбер, 2022, с. 93). Антрополог подчёркивает, что в экономике, строящейся на принципе обмена, часто присутствует соревновательный элемент: каждая из сторон ведёт тщательный подсчёт собственных вложений и полученной выгоды, а общее количество обмениваемых благ имеет тенденцию к росту. Этическая установка на обмен лежит в основе функционирования любой рыночной экономики, способствует росту межплеменных и межнациональных связей, обеспечивает широкое распространение материальных благ и технологий.

Принцип иерархии в организации экономических отношений, в свою очередь, не предполагает примата взаимности, характерного для обмена (Грэбер, 2022, с. 98). Распределение благ в иерархических сообществах происходит в соответствии с социальным ста-

тусом, на основании сложившихся норм и обычаев. Причём обычаи возникают, как правило, в результате повторяющегося акта дарения либо со стороны вассала в пользу суверена, либо наоборот. Таким образом, в рамках иерархической установки экономика выступает скорее средством утверждения социальных статусов, нежели локомотивом общественного развития. Поэтому представители социалистических и либеральных течений, как правило, выступают против подобной установки, считая её аморальной и антиобщественной.

Применяя описанную типологию к области производства и обмена научным знанием, мы, во-первых, обнаруживаем почти полное совпадение этических установок, которыми руководствуются создатели теневого библиотек, с грэберовским пониманием коммунизма. В пиратских научных сетях принцип «от каждого по способности, каждому по потребности» реализуется в полной мере. Этическая установка обмена, в свою очередь, вполне соответствует принципам, которыми руководствуются владельцы крупных издательств и коммерческих онлайн-сервисов. Научные тексты здесь превращаются в товар, а производству научного знания сопутствует развитая наукометрия, призванная обеспечить эффективную экономическую оценку, а значит, максимально эквивалентный обмен научных текстов на денежные единицы (как в плане оплаты труда научных работников, так и в плане улучшения экономических показателей за счёт использования наукоёмких отраслей).

Среди описанных выше примеров обнаруживается и эквивалент для грэберовского принципа иерархии. Очевидно, что закрытые научные сети изначально предполагают различие в социальном статусе пользователей, причём уровни доступа могут существенно различаться даже в рамках одного профессионального сообщества или одной корпорации. Любопытно, что функционирование закрытых архивов и репозиторий, как и в теории Грэбера, не предполагает эквивалентности, характерной для логики обмена. Ограниченный доступ к информации, как правило, предполагает наличие строгой системы норм и регламентов, различающихся в зависимости от социального статуса акторов. Весьма показательным, что в условиях «реального социализма», сложившегося в Советском Союзе преобладали не коммунистические (в грэберовском смысле этого слова), а как раз *иерархические* формы взаимоотношений, в том числе и в области производства и распространения научного знания (вспомним уже упомянутую систему спецхрана и сложную систему уровней доступа к печатной продукции, наделяющую носителей учёных степеней несравнимо большими возможностями, чем рядовых студентов и частных исследователей).

Таким образом, даже те формы научного обмена, которые при первичном обзоре мы обозначили как маргинальные, имеют достаточно основательный историко-антропологический фундамент.

Изначальная склонность человеческих сообществ, с одной стороны, к возврату к логике семейных общин, а с другой – к построению сложных социальных иерархий лишает диалектику открытости и закрытости возможности вылиться в какой-то окончательный *Aufhebung* и достичь максимума абсолютной прозрачности. Трёхчастная структура грэберовского деления представляется нам более продуктивной, нежели простое противопоставление открытой и закрытой науки. Причём коммунизм и иерархия, попарно совмещаясь с полюсами открытости и закрытости, легко ассоциируются с левой и правой частями традиционного политического спектра, автоматически предполагая и некую альтернативу в виде либерального центра, коим в теории Грэбера выступает этика обмена, а у нас – понятие гибридных сетей.

Понятие «гибридные сети» мы заимствовали из области телекоммуникаций. Традиционно им принято обозначать сложные системы мобильной связи, совмещающие в себе элементы традиционного кабельного и спутникового Интернета. Использование этого сугубо технического термина в наших интересах отнюдь не произвольно, ввиду отчётливой тенденции к гибридизации классических и неклассических форм научного обмена. Одним из любопытных следствий распространения цифровых сетей с последующим переходом довольно значительной части академической индустрии в сетевой формат стала возросшая роль технического инструментария в работе учёных гуманитарных специальностей, о чём мы говорили в самом начале. Успех современного учёного теперь во многом определяется его способностью создавать эффективные коллаборации не только с другими учёными, но и с базами электронных документов и поисковыми машинами, текстовыми редакторами и сервисами для проведения онлайн-конференций, информационными системами научных фондов и университетскими интернет-платформами. На наш взгляд, с кратным увеличением роли технических акторов в производстве и ретрансляции научного знания не в последнюю очередь связана и популярность таких теоретических оптик, как акторно-сетевая теория Бруно Латура с её уравниванием онтологического статуса человеческих и нечеловеческих акторов. Причём на данный момент речь идёт уже о взаимном влиянии: акторно-сетевая теория, возникшая на фоне стремительно растущей роли технических средств в научном творчестве, благодаря продвигаемой ею постантропологической эпистемологической установке сама создаёт благоприятную почву для возникновения самых причудливых коллабораций между человеческими и нечеловеческими акторами.

Ещё одна любопытная тенденция, характеризующая современный академический инфообмен, это постепенное вытеснение иерархических форм обмена гетерархическими (Рыхтова, 2023). В то время как академическое производство классического периода

использует в качестве своего образца аристотелевскую концепцию универсума с присущей ей вертикальной иерархией родо-видовых связей, чётким междисциплинарным делением, тенденцией к строгим дефинициям и единым принципам классификации, современная академическая индустрия гораздо меньше тяготеет к системности, предпочитая большим нарративам «вечных смыслов» прагматический принцип *ad hoc*, а иерархическим принципам распределения – гетерархию возможностей. На антропологическом уровне эта тенденция проявляется в постепенном снижении авторитета отдельного учёного и повышении значимости научных коллабораций. Своего рода «героическая эпоха» в истории науки, когда роль учёного напоминала роль первопроходца, заключалась в бескорыстном поиске истины и свершении научных открытий во благо общества, похоже, подходит к концу. Место классических учёных-гигантов занимают научные коллаборации и гетерогенные социотехнических гибриды, гибко варьирующие свой состав в зависимости от целей и условий производства. На смену трансцендентальному его Гуссерля (Гуссерль, 2006) приходит коллективный интеллект Пьера Леви (Levy, 1997), давняя уверенность в парадоксальном величии «мыслящего тростника» (Паскаль) ставится под сомнение, как и монополия людей на разумность.

Заключение

Итак, сделав отправной точкой нашего исследования чисто техническую проблему выбора режима доступа к полнотекстовым версиям научных статей, мы ввели её в более широкий этикополитический контекст и дали ей оценку, с одной стороны, опираясь на принципы научного этоса Р. Мёртона, а с другой – с точки зрения сторонников открытой науки. Рассмотрев ряд действующих научных репозиторий с точки зрения их открытости для свободного доступа, мы выделили четыре их разновидности: 1) безусловно открытые, 2) условно открытые, 3) условно закрытые и 4) безусловно закрытые.

Далее мы обратились к рассмотрению аргументов сторонников открытой науки, обнаружив их склонность ассоциировать развитие научной рациональности как таковой и науки как интернационального общечеловеческого проекта со всё возрастающей степенью открытости и общедоступности научной информации. Оспаривая справедливость как сугубо прогрессистского прочтения истории науки, так и эффективность простого противопоставления открытости и закрытости для объяснения генезиса форм научного обмена, мы выдвинули два контраргумента: 1) исторический аргумент, отсылающий к постоянному соприкосновению эзотерических и экзотерических форм познания с Античности и до наших дней; 2) аргумент информационной избыточности, который указывает на

непреодолимые технические ограничения, препятствующие свободному доступу к информации в масштабных сетевых хранилищах крупных коллекций Big Data. Эти контраргументы мы подкрепили замечанием о значительных ограничениях, накладываемых на пользователей существующими версиями так называемых открытых лицензий, указывая тем самым, что серьёзные препятствия для воплощения в жизнь эгалитарной утопии существуют в самом проекте открытой науки, по крайней мере в современной его версии.

Показав таким образом недостатки этико-политической установки на абсолютную открытость, мы использовали в качестве альтернативы типологию Дэвида Грэбера, предложившего рассматривать отношения взаимности в рамках разных культур в трёх этико-политических модусах: коммунизма, обмена и иерархии. Обнаружив частичное совпадение модусов коммунизма и иерархии с полосами нашей предварительной типологии научных депозитариев, мы провели ассоциацию промежуточных (гибридных) типов с грэберовским модусом обмена, характеризующимся отношениями взаимности и конкуренции.

Наконец, мы отметили ключевые особенности современной сетевой инфраструктуры, с помощью которой осуществляется научный обмен. Среди этих особенностей мы выделили преобладание гетерархических отношений над иерархическими и всё возрастающее влияние не-человеческих агентов (поисковых систем, электронных помощников, средств коммуникации), что позволило нам говорить о новой информационной инфраструктуре как о пространстве гибридных сетей. Помимо сугубо технических коннотаций, данная концепция развивает понятие гибридов, предложенное Бруно Латуром в рамках его концепции парламента вещей (Latour, 1993, pp. 160-163). Используемое вкупе с пониманием обмена как конкуренции и взаимности, понятие гибридных сетей позволяет описать общие тенденции, свойственные развитию современной научной инфраструктуры, избегая идеологии прогрессизма, свойственной модернистскому мировосприятию, и пафоса человеческой исключительности, подвергающегося последовательной критике представителями современной постантропологии.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Гринберг и др., 2014 – Гринберг М.Л., Боннакcorso Э., Божанкова Р. Кадена К.Д., Чапска В., Черневиц Л., Эмметт А., Глухова Н., Хладник М., Гриллет М.Е., Индраван М., Капович М., Клейнер Ю., Лазански М., Лойола Р.Д., Менон Ш., Моралес Л.Г., Окампо К., Перес-Эман Х., Питерсон А.Т., Попоски Д., Рашид А.А., Родригез-Кларк К., Родригез Д.П., Розенблюм Б., Санчас-Кордело В., Смолик Ф., Сной М., Силадди И., Торрес О., Тыкарский П. Подводные камни системы публикаций открытого доступа: мнения в разных странах мира / Пер. с англ. // Научная периодика: проблемы и решения. 2014. № 2. С. 9-20.

Грэбер, 2022 – Грэбер Д. Долг: первые 500 лет истории / Пер. с англ. А. Арамян, К. Митрошенков. М.: Ad Marginem, 2022. 439 с.

Гуссерль, 2006 – Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнев. СПб.: Наука, 2006. 315 с.

Махотина, 2018 – Махотина Н.В. Литература спецхранов крупных научных библиотек: прошлое, настоящее, перспективы дальнейшего развития // Труды Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН. 2018. № 13-2. С. 38-44.

Поппер, 1992 – Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / Пер. с англ. В.Н. Садовский. М.: Феникс, 1992. 446 с.

Рыхтова, 2023 – Рыхтова А.Е. Научная библиотека между наукой открытой и корпоративной // Библиосфера. 2023. № 3. С. 72-82.

Швырев, 1995 – Швырев В.С. Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования / Ред. Б.И. Пружинин, В.С. Швырев. М.: Институт философии РАН, 1995. С. 3-20.

Элбакян, 2022 – Элбакян А.А. Две концепции открытой рациональности // Идеи и идеалы. 2022. № 1. С. 117-129.

Элбакян, 2023 – Элбакян А.А. Открытость как когнитивная и социальная ценность // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 183-189.

Chubin, 1985 – Chubin D. E. Open science and closed science: tradeoffs in a democracy // Science, Technology, & Human Values. 1985. Vol. 10. No. 2. Pp. 73-80.

Feyerabend, 1975 – Feyerabend P. Against Method. L.: Verso, 1975. 279 p.

Galison, 1997 – Galison P. Image and Logic: a Material Culture of Microphysics. Chicago: The University of Chicago Press. 982 p.

Kasavin, 2019 – Kasavin I. T. Gift versus trade: on the culture of science communication // Philosophy of the Social Sciences. 2019. Vol. 10. No. 2. Pp. 1-20. <https://doi.org/10.1177/004839311986469>

Latour, 1993 – Latour B. We Have Never Been Modern. Massachusetts: Harvard University Press, 1993. 173 p.

Lévi-Strauss, 2002 – Lévi-Strauss C. Les structures élémentaires de la parenté. N. Y.: Mouton de Gruyter, 2002. 591 p.

Levy, 1997 – Levy P. Collective Intelligence. Mankind's Emerging World in Cyberspace. Massachusetts: Perseus Books, 1997. 277 p.

Mauss, 1923 – Mauss M. Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques // L'Année Sociologique, 1ère Année. 1923-1924. Pp. 30-186.

Merton, 1973 – Merton R. K. The institutional imperatives of science // Merton R. K. The Sociology of Science. Chicago: Chicago University Press, 1973. Pp. 267-278.

Karaganis (ed.), 2018 – Shadow Libraries. Access to Knowledge in Global Higher Education / Ed. by J. Karaganis. Massachusetts: Cambridge, 2018. 313 p.

Van der Sar, 2024, web – Van der Sar E. Dutch court orders ISP to block 'Anna's Archive' and 'LibGen' // TorrentFreak. 23 March 2024. URL: <https://torrentfreak.com/dutch-court-orders-isp-to-block-annas-archive-and-libgen-240322/> (дата обращения: 01.09.2024).

Weizsäcker, Wijkman (eds.), 2018 – Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A report to the Club of Rome / Ed. by E. Weizsäcker, A. Wijkman. N. Y.: Springer Science+Business Media, 2018. 234 p.

References

Chubin, D. E. (1985). Open science and closed science: tradeoffs in a democracy. *Science, Technology, & Human Values*, 10, 2, 73-80.

Elbakyan, A. A. (2023). Openness as a cognitive and social value. *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2, 183-189. (In Russian)

Elbakyan, A. A. (2022). Two theories of open rationality. *Ideas and Ideals*, 1, 117-129. (In Russian)

Feyerabend, P. (1975). *Against Method*. Verso.

Galison, P. (1997). *Image and Logic: a Material Culture of Microphysics*. The University of Chicago Press.

Greenberg, M. L., Bonaccorso, E., Bozhankova, R., Cadena, C.D., Capska, V., Czerniewicz, L., Emmett, A., Oludayo, F.F., Glukhova, N., Hladnik, M., Grillet, M.E., Indrawan, M., Kapovic, M., Kleiner, Y., Lazinski, M., Loyola, R.D., Menon, S., Morales, L.G., Ocampo, C., Perez-Eman, J., Townsend P.A., Poposki, D., Rasheed, A.A., Rodriguez-Clark, K.M., Rodriguez, J.P., Rosenblum, B., Sanchez-Cordero, V., Smolik, F., Snoj, M., Szilagyi, I., Torres, O., Tykarski, P. (2014). Bottlenecks in the open-access system: voices from around the globe. *Scientific Periodicals: Problems and Solutions*, 2, 9-20. (In Russian)

Graeber, D. (2022). *Debt: the First 5,000 Years*. Ad Marginem Publ. (In Russian)

Husserl, E. (2006). *Cartesianische Meditationen*. Nauka Publ. (In Russian)

Kasavin, I. T. (2019). Gift versus trade: on the culture of science communication. *Philosophy of the Social Sciences*, 2, 10, 1-18.

Karaganis, J. (Ed.). (2018). *Shadow Libraries. Access to Knowledge in Global Higher Education*. Cambridge University Press.

Latour, B. (1993). *We Have Never Been Modern*. Harvard University Press.

Lévi-Strauss, C. (2002). *Les structures élémentaires de la parenté*. Mouton de Gruyter. (In French)

Levy, P. (1997). *Collective Intelligence. Mankind's Emerging World in Cyberspace*. Perseus Books.

Mahotina, N. V. (2018). Literature of closed archives in large scientific libraries: past, present, prospects for further development. *Proceedings of the State Public Scientific Technical Library of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Publi)*, 13-2, 38-44. (In Russian)

Mauss, M. (1924). Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques. In *L'Année Sociologique, 1ère Année* (pp. 30-186). (In French)

Merton, R. K. (1973). The institutional imperatives of science. In R. K. Merton. *The Sociology of Science* (pp. 267-278). Chicago University Press.

Popper, K. (1992). *The Open Society and Its Enemies. V.1: The Spell of Plato*. Phoenix Publ. (In Russian)

Rihtova, A. E. (2023). Scientific library between open and corporate science. *Bibliosphere*, 3, 72-82. (In Russian)

Shvirev, V. S. (1995). Rationality as a philosophical problem. In *Rationality as a Subject of Philosophical Research* (pp. 3-20). Institute of Philosophy RAS Publ. (In Russian)

Van der Sar, E. (2024). Dutch court orders ISP to block “Anna’s Archive” and “LibGen”. *TorrentFreak*. Retrieved September 1, 2024, from <https://torrentfreak.com/dutch-court-orders-isp-to-block-annas-archive-and-libgen-240322/>

Weizsäcker, E., Wijkman, A. (Eds.). (2018). Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A report to the Club of Rome. Springer Science.